создания демократического правительства после Октябрьской революции? // Отечественная история. 1993. № 5. С. 25–38; *Злоказов Г. И.* Переговоры об однородном социалистическом правительстве после Октябрьской революции // Отечественная история. 1996. № 5. С. 132–145; *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 3–22; *Медушевский А. Н.* Причины крушения Демократической республики в России в 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.

[14] Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков. М., 1992. С. 382.

[15] *Кудинова Н. Т.* Альтернативы 1917 года: вопросы методологии и историографии. Хабаровск, 1992. С. 20.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

А. А. Иванов

Правая альтернатива революции: беспочвенная фантазия или упущенная возможность?

Столетний юбилей двух революций — Февральской и Октябрьской или, как теперь принято говорить, Великой Российской революции 1917 г., является не только хорошим поводом к подведению историографических итогов, но и заставляет поразмышлять о том, насколько это переломное событие нашей истории было неотвратимым и безальтернативным. Одним из вопросов в рамках этих рассуждений является следующий: были ли хоть какие-то перспективы у правых партий и организаций накануне и во время революции 1917 г. или они изначально были обречены на поражение и полный разгром? Прежде чем попытаться ответить на него, необходимо сделать пояснение, что под правыми в рамках данного доклада будут подразумеваться исключительно монархические партии и организации, верные уваровской триаде «православие, самодержавие, народность», т.е. есть те силы, которые носили название «правых» до революционных событий 1917 г., а не те, кто ситуативно оказался правее кадетов или социалистов уже в водовороте революции.

Напомню, что к февралю 1917 г. правые (консервативные) политические структуры подошли в состоянии полного разброда, упадка численности и вли-

яния, глубокого уныния и с осознанием собственной обреченности[1]. Они не представляли сколько-нибудь влиятельной силы, способной противостоять революции и фактически потерпели поражение еще до свержения монархии. Этому способствовал целый комплекс причин: внутренние склоки, закрытие партийных отделов в годы войны и отток многих рядовых членов на фронт; радикализация общества (в том числе и той его части, которая ранее придерживалась консервативных настроений); отсутствие привлекательной для широких масс программы, способной конкурировать с часто утопическими, но крайне соблазнительными обещаниями их политических конкурентов; отчужденность правительственной власти от своих критиков справа; защита монархической власти в то время, когда доверие к монарху и правительству оказалось практически уничтожено. При таком раскладе консервативный лагерь неизбежно должен был разделить судьбу «старого строя», который он, в меру своих сил и способностей, защищал.

Показательно, что наиболее прозорливые правые чувствовали свою обреченность. Не имея реальной возможности остановить революцию, они достаточно точно предсказали ее ход и последствия, оказавшись значительно прозорливее российских либералов. Суть этих предостережений в самых общих чертах сводилась к тому, что если либералы не остановят свой натиск на власть в условиях тяжелейшей для страны войны, то весьма вероятно, что они смогут разрушить самодержавный строй, но затем окажутся не в состоянии утвердить на его месте твердую государственную власть и в своей беспомощности уступят место социалистам, которые на практике будут совсем не такими идеалистами-демократами, как их привыкла изображать оппозиция. Еще в 1902 г. известный своими консервативными взглядами министр внутренних дел В. К. Плеве предупреждал, что если «у царского правительства <...> есть опытность, традиции, привычка управлять», то у представителей либеральной оппозиции есть «одно лишь желание власти», а потому «они никогда не смогут овладеть движением», ибо «встав во главе, очутятся силою вещей в хвосте движения», «свалятся со всеми своими теориями и утопиями при первой же осаде власти», а на смену им «выйдут из подполья все вредные преступные элементы, жаждущие погибели и разложения России»[2]. Позже с еще большей проницательностью и конкретикой эти мысли развил П. Н. Дурново[3], а за ним и многие другие представители правого лагеря[4].

Но осознавая, что революция стоит на пороге России, большинство правых не смогли угадать ни ее точного срока, ни некоторых ее специфических черт. Ожидая революцию «вообще», ее никак не ждали уже в феврале; готовясь к повторениям событий 1905 г., никак не думали, что государственный переворот встретит такую мощную поддержку в верхах и будет сопровождаться национальным подъемом.

При этом правым лагерем была разработана целая программа по спасению самодержавия в случае начала революционных событий. Она была изложена

в ряде записок, поданных в правительственные сферы, а также в переписке правых деятелей. Если все эти контрреволюционные проекты обобщить, то их суть будет сведена к следующим мерам: назначение решительного диктатора, формирование единомышленного монархического правительства, немедленный роспуск Государственной Думы, введение военного положения в Петрограде и Москве, концентрация в обеих столицах надежных войск, немедленное закрытие всех органов оппозиционной печати, обеспечение надежной защиты телеграфа, почты и железных дорог; выдача черносотенцам оружия и превентивные аресты революционных элементов. Данная программа на первый взгляд кажется вполне разумной, но проблема заключалась в том, что в условиях надвигавшейся революции она оказывалась изначально нереализуемой. Ведь намеченный комплекс мер как минимум требовал решительных действий монарха, верного генералитета, энергичности и смелости гражданских властей, массовой опоры снизу. Однако к 1917 г. ничего из этого уже не было. Нельзя также забывать, что в силу специфики монархического движения сами правые оставались достаточно пассивными, адресуя большую часть своих требований монарху и его правительству, именно от них ожидая активности, решительности и руководства всеми контрреволюционными силами. А поскольку, в отличие от 1905 г., в 1917 ни монарх, ни правительство, ни генералы не повели их за собой, правые растерялись и сдались без всякого сопротивления.

Стремительность и массовая поддержка Февральской революции ошеломила правых, ввергнув их в полную растерянность, которая усугублялась «добровольным» отречением императора Николая II и последовавшим вслед за ним отказом великого князя Михаила Александровича взойти на престол. Лишенные державного вождя, монархисты формально не имели никаких оснований для борьбы: царь не призвал их к сопротивлению, а великий князь своим актом велел повиноваться Временному правительству и дожидаться народного волеизъявления, которое и должно было определить, быть ли Россией монархией или нет. Получалось, что в этих условиях монархистам некого было защищать и не за что было бороться. Да и начинать гражданскую смуту в условиях войны, в то время, когда покинувший престол император призвал к «тесному единению и сплочению всех сил народных для скорейшего достижения победы»[5], было для большинства монархистов неприемлемо. Неожиданным для большинства правых стало и то обстоятельство, что в отличие от революции 1905 г., Февральская революция проходила под национальными, патриотическими знаменами при самой широкой общественной поддержке.

Те же правые, что оставались верны своим идеалам, никакой альтернативы в феврале 1917 г. предложить не могли, хотя бы потому, что именно против тех ценностей, которые они защищали, и была направлена победившая революция. Массы отвернулись от них, и надеяться на хоть сколько-нибудь значительную поддержку в условиях всеобщей революционной эйфории было проблематично. И в этом плане оказывается совершенно неважным, были ли в их про-

граммах и концепциях здравые мысли и предложения, поскольку следовать их советам никто не собирался. Кроме того, у них не было для этого и возможностей, так как помимо дискредитации и постигшего их организационного краха, правые лишились и легальной трибуны: победившие либерально-демократические силы запретили монархические периодические издания и агитацию.

Но возможно, правые могли стать альтернативой большевикам, пришедшим к власти в тот период, когда либерально-демократические идеи стремительно себя дискредитировали, а творцы Февраля показали свою полную неспособность к эффективному государственному управлению? Думается, что и на этот вопрос надо ответить отрицательно.

Большинство правых, потерпев сокрушительное поражение, отошло от политики. Некоторые из них, правда, старались приспособиться к новым реалиям, перекрашиваясь чуть ли не в кадетов, но каких-либо успехов на этом поприще не достигли. Активное меньшинство, не потерявшее воли к борьбе, смогло приступить к ней лишь к лету 1917 г., начав заново создавать монархические структуры. Как выразился бывший лидер Союза русского народа Н. Е. Марков, принявшийся за создание подпольной организации, «это было время тайного сбора "на костях" ужасного разгрома»[6]. Однако, хотя тайная монархическая организация Маркова и заявила своей целью борьбу за восстановление самодержавной монархии во главе с Николаем II или, в случае его отказа, цесаревичем Алексеем[7], на практике не шла далее планов по спасению царской семьи, которые в силу ряда причин так планами и остались.

Так называемая «монархическая организация» В. М. Пуришкевича, созданная им на базе «Общества русской государственной карты» в конце августа 1917 г., ставила целью своей борьбы не столько восстановление монархии, сколько установление в стране «твердой власти». Несомненно, желая в перспективе вернуться к монархическому строю, Пуришкевич в это время дальше провозглашения необходимости диктатуры не шел, так как считал нереалистичной реставрацию в обществе, зараженном вирусом революции. При этом организация Пуришкевича была категорически против возвращения на престол императора Николая II. Несмотря на то что организация Пуришкевича готовилась сначала к свержению Временного правительства, а затем пришедших ему на смену большевиков, это была довольно аморфная структура, так и не успевшая сделать каких-либо конкретных шагов (если, конечно, не считать таковыми участие некоторых ее членов в провалившемся выступлении юнкеров против советской власти, организованном состоящим из эсеров и меньшевиков «Комитетом спасения родины и революции»). Уже к началу ноября 1917 г. контрреволюционная организация Пуришкевича была обнаружена и ликвидирована. Как выяснилось во время следствия, Пуришкевич гораздо в большей степени рассчитывал на удар по красному Петрограду атамана А. М. Каледина, чем на силы собственной организации. «Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков, — наставлял Пуришкевич Каледина. — Ударив

ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрознены и терроризованы сволочью во всех решительно полках. Казаки же в значительной части распропагандированы <...>. Политика уговоров дала свои плоды — всё порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей»[8].

Таким образом, едва ли можно говорить о какой-либо реально осуществимой правой (монархической) альтернативе большевизму в этот период. Максимум, на что были способны на тот момент бывшие вожди черной сотни — это поддержать те или иные антибольшевистские силы, которые в случае успеха вряд ли бы стали действовать по рецептам своих временных союзников. Да и сами монархисты, похоже, не питали особых иллюзий относительно реставрации монархии в 1917 г. Не ошиблись они разве в том, что рано или поздно власть в России снова начнет обретать явственные монархические черты. Эту мысль во время беседы с председателем Петроградской ЧК М. С. Урицким высказал находившийся в заключении Пуришкевич. На вопрос Урицкого, смотрит ли он на октябрьские события так же, как и буржуазные газеты, политик-монархист категорически ответил «нет». «Большевики продержатся 15 лет, а затем будет монархия»,— огорошил председателя Петроградской ЧК Пуришкевич. На изумленный вопрос Урицкого «Что будет?», Пуришкевич убежденно повторил: «Да. Да. Монархия. Уверяю вас». Но тут же пояснил: «Не такая монархия, и не с таким, понятно, монархом, как Николай, а идеальная монархия»[9]. Собеседники заключенного монархиста лишь рассмеялись в ответ, посчитав прогноз «шутника Пуришкевича» забавным и абсолютно нереалистичным. Но, хотя насчет восстановления через 15 лет «идеальной монархии» Пуришкевич явно погорячился, тем не менее он довольно близко угадал сроки перерождения ленинского государства в авторитарное сталинское единодержавие, позаимствовавшее немало атрибутов прежней империи. Весьма примечательно, что в 1938 г. партийно-литературная деятельница А. А. Берзинь отозвалась о сталинском режиме следующей фразой: «Типичный лозунг теперь — “мы русский народ”. Всё это пахнет черносотенством и Пуришкевичем»[10].

При этом далеко не все правые поднялись на борьбу с большевиками. Несмотря на то что Октябрьская революция воспринимались монархистами негативно, вместе с тем они были далеки от того, чтобы приписывать все обрушившиеся на Россию беды исключительно большевикам. Для монархистов приход к власти левых радикалов казался закономерным следствием развития революции, разразившейся в феврале 1917 г. И хотя никаких симпатий к большевикам правые не испытывали, тем не менее многие из них сочувственно восприняли факт ликвидации Временного правительства. Выражаясь словами видного дореволюционного правого деятеля и известного ученого А. И. Соболевского, большевики «уж больно здорово... расправляются с либеральной слякотью»[11].

Кроме того, многие деятели монархического движения отказались от борьбы с советской властью по религиозным причинам, трактуя новую власть как заслуженное страной наказание. Были и те, кто несмотря на негативное отношение к советской власти пришел к убеждению, что «большевики всё же лучше президента Милюкова или императора Кирилла»[12] и что «вопреки своей воле и мысли», они выполняют «всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе» и довольно скоро «среди смердящих и дымящихся пожарищ» им придется восстанавливать страну «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей»[13].

Были, конечно, и другие мотивы «симпатии» к большевикам, исходившие из принципа «чем хуже — тем лучше». Так, бывший член Русского народного союза имени Михаила Архангела полковник Ф. В. Винберг записал в дневнике, что из двух зол — эсеров и большевиков — он предпочитает последних, поскольку «доводя до крайних пределов проведение в жизнь своих утопических теорий, большевики, пожалуй, подрывают все основы и всю популярность своей доктрины лучше, чем мог бы это сделать злейший и сильнейший враг социализма». Таким образом, полагал Винберг, временное торжество самой радикальной левой партии, чуждой какого-либо заигрывания с либерализмом, приведет к тому, что после краха советской власти «социализм потеряет свое обаяние и значение среди народных масс не только в России, но и во всем мире»[14].

Конечно, немало в правом лагере было и тех, кто воспринимал большевизм сугубо отрицательно и призывал к борьбе с ним. Но даже среди этих деятелей встречались весьма показательные откровения. Непримиримый враг советской власти Н. Е. Марков, комментируя разгон большевиками Учредительного собрания, признавал, что «если говорить правду, то в большинстве своем народ сочувствовал матросу Желязнякову»[15]. «Для простонародья (значит для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо всё то, что социалисты отдельных мастей обещали давать лишь в постепенности и в соразмерности с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности», — признавался Марков[16].

Таким образом, разгромленные в феврале 1917 г., разрозненные и разочарованные правые не могли быть сколько-нибудь значимой политической силой в дни Октябрьской революции. Робкие попытки отдельных монархистов бороться с большевистской властью были обречены на провал. У них не было ни сил, ни денег, ни согласованных планов относительно ближайшего будущего. Предложить в этих условиях альтернативу большевизму, обещавшему радикальным образом решить все наболевшие вопросы, правые определенно не могли. Поэтому очень многие правые деятели, не испытывая никакого восторга в отношении новой власти, отказались от борьбы с ней, ибо не видели среди предлагавшихся антибольшевистскими силами программ альтернативы, способной привести к торжеству монархических идеалов. Те же из них, что примкнули к Белому

лагерю, оказались в нем изгоями, так как их призывы к восстановлению в России самодержавия весьма существенно расходились с политическими симпатиями большинства лидеров антибольшевистского движения.

---

1 См.: *Иванов А. А.* Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 519–559.
2 Цит. по: *Пыжиков А. В.* Питер — Москва. Схватка за Россию. М., 2014. С. 125–126.
3 Записка П. Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. М., 2014. С. 58–73.
4 См.: *Иванов А. А.* «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 года // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.
5 Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 122–123.
6 *Марков Н. Е.* Войны темных сил: Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 396.
7 Там же.
8 Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 170.
9 *Павлов В. П.* Мои воспоминания о «Крестах» // Красная летопись. 1922. № 2–3. С. 148.
10 Цит. по: *Куняев С.* «Умоляю вас о помощи...» (Женские судьбы в эпоху большого террора) // Наш современник. 1992. № 6. С. 157.
11 Цит. по: *Степанов С. А.* Черная сотня. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 462.
12 Цит. по: *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 446.
13 Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 371–372.
14 *Винберг Ф. В.* В плену у «обезьян». (Записки «контрреволюционера») // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 101.
15 *Марков Н. Е.* Войны темных сил. С. 374.
16 Там же.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

William G. Rosenberg

Alternatives to October: the Liberal Perspective

To understand the quest of Russian liberals for an alternative to October and a dictatorship based on partisan conceptions of social class, one has to establish first what it meant to be a liberal in revolutionary Russia, whether we are considering realistic or theoretical alternatives, and what moment in the long revolutionary process we are talking about. As we know, Russian liberalism developed along two different paths. One was